

Къ біографіи М. Ю. Лермонтова.

31-го декабря 1837 года умеръ въ Медынскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, помѣщикъ, отставной гвардейскій поручикъ Василій Илларіоновичъ Афремовъ, оставивъ послѣ себя имѣніе, заключавшее 200 душъ, въ селѣ Дерновѣ и деревнѣ Гришиной. Имѣніе это досталось покойному по наслѣдству отъ отца и матери. Такъ какъ В. И. скончался бездѣтнымъ, то мѣстный уѣздный судъ сдѣлалъ вызовъ наслѣдниковъ. Наслѣдниками къ имѣнію явились: со стороны Афремова — генераль-маіоръ Никита, статскій совѣтникъ Василій, подполковникъ Григорій, маіоръ Николай и штабсъ-капитанъ Александръ Васильевичи Арсеньевы, племянникъ ихъ прапорщикъ Николай Дмитриевичъ Арсеньевъ и внукъ, сынъ Маріи Михайловны Арсеньевой, по мужу Лермонтовой, корнетъ л.-гв. гусарскаго полка Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, а со стороны матери умершаго Афремова—отставной гвардіи поручикъ Александръ Петровичъ Дураковъ.

Права Арсеньевыхъ и Лермонтова на наслѣдство основывались на родословной, ревизскихъ сказкахъ, исповѣдныхъ свидѣтельствахъ, купчихъ крѣпостяхъ, дарственныхъ записяхъ, раздѣльныхъ актахъ присутственныхъ мѣстъ и справкахъ Вѣдъчиннаго Департамента. Изъ родословной видно, что родоначальникамъ фамиліи Афремовыхъ былъ Евдокимъ Афремовъ. Онъ имѣлъ двухъ сыновей: Тимоѳея (умершаго бездѣтнымъ) и Ивана, капитана 2-го ранга, и дочь Параскеву. Затѣмъ родъ раздѣляется на двѣ нисходящія линіи, мужскую и женскую,—именно: Иванъ Евдокимовъ имѣлъ сына Илларіона, прапорщика, а этотъ послѣдній—сына Василя, отставнаго гвардіи поручика, умершаго бездѣтно, послѣ котораго и осталось имѣніе.

Такимъ образомъ, Василій Илларионовичъ Афремовъ, по мужской линіи, правнукъ Евдокима Афремова, дочь котораго Параскева была въ замужествѣ за прапорщикомъ Никитою Исаевичемъ Ивашкинымъ и имѣла отъ этого брака дочь Евфимію, выданную замужъ за отца Арсеньевыхъ, капитана Василя Васильевича Арсеньева. У В. В. и Е. Н. Арсеньевыхъ были дѣти: Николай, Никита, Василій, Григорій, Михайлъ, Дмитрій и Александръ, прямые наслѣдники имѣнія Афремова. Но ко времени открытія наслѣдства двое изъ нихъ умерли, оставивъ по себѣ Дмитрій сына Николая, а Михайлъ дочь Марію, которая, по замужеству съ Юрьемъ Лермонтовымъ, имѣла сына Михаила. Слѣдовательно, дѣти В. В. Арсеньева являлись правнуками Евдокима Афремова по женской линіи и троюродными братьями Василю Илларионовичу Афремову. Справедливость родословной была удостовѣрена елецкимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и засвидѣтельствована Елецкимъ уѣзднымъ судомъ.

Медынскій уѣздный судъ, разсмотрѣвъ доказательства на наслѣдство послѣ Афремова, 15-го марта 1839 года призналъ наслѣдниками по Афремовѣ Арсеньевыхъ и Лермонтова и, со стороны матери его, поручика Дуракова. Арсеньевы, Лермонтовъ и Дураковъ были введены во владѣніе имѣніемъ безспорно; но Арсеньевы и Лермонтовъ, признавая неправымъ дѣйствіе суда, отдававшего во владѣніе Дуракова часть имѣнія Афремова, дошедшаго къ послѣднему отъ матери, объявили на это рѣшеніе неудовольствіе, и дѣло, по апелляціонной жалобѣ ихъ, перешло на разсмотрѣніе Калужской палаты гражданскаго суда. Однако жъ, въ то время, когда дѣло объ имѣніи Афремова находилось въ гражданской палатѣ, Арсеньевы и Лермонтовъ уже болѣе года пользовались правами владѣнія отсужденной имъ части имѣнія и даже доставшуюся имъ часть наслѣдства запродали, 3-го августа 1839 года, коллежскому ассесору Владиміру Ефимовичу Миронову, бывшему ихъ повѣреннымъ. Принося апелляціонную жалобу, просители едва ли думали, что дѣло приметъ неблагопріятное для нихъ теченіе; напротивъ, они ожидали, можетъ быть, лучшихъ результатовъ отъ взгляда высшей инстанціи и ужъ никакъ не рассчитывали, чтобы въ ихъ споръ вступило третье лицо, — казна. Но казна-то именно и предъявила свои претензіи. Калужскій губернский казенныхъ дѣлъ стряпчій Ключаревъ получилъ предубѣжденіе противъ правильности преждевременнаго, по народному говору, предоставленія Медынскимъ уѣзднымъ судомъ

имѣнія Афремова упомянутымъ наслѣдникамъ. Онъ приказалъ уѣздному стряпчему собрать по дѣлу подробныя справки и, найдя представленныя наслѣдниками доказательства ихъ правъ недостаточными, предъявилъ искъ о признаніи означеннаго имѣнія выморочнымъ. 30 сентября 1840 года Ключаревъ просилъ, между прочимъ, гражданскую палату имѣніе Афремова изъ частнаго владѣнія отобрать, со всѣми доходами, и отдать въ опеку, а доходы хранить въ приказѣ общественнаго призрѣнія.

Калужская гражданская палата обратила находившееся въ нея разсмотрѣніи апелляціонное дѣло въ уѣздный судъ, предписавъ въ разсмотрѣніи доказательствъ стряпчаго Ключарева въ пользу казны и въ постановленіи вновь рѣшенія, не стѣсняясь прежнимъ, поступить по законамъ, давъ дѣлу дальнѣйшій ходъ установленнымъ порядкомъ, съ предоставленіемъ права апелляціи участвующимъ въ дѣлѣ частнымъ лицамъ. Медыньскій уѣздный судъ, разсмотрѣвъ вновь доказательства, представленныя повѣренными Арсеньевыхъ и Лермонтова, коллежскимъ ассесоромъ Мироновымъ, въ совокупности съ возраженіемъ губернскаго стряпчаго Ключарева, призналъ доказательства достаточными и 2-го октября 1841 года опредѣлилъ: оставивъ во владѣніи ихъ имѣніе покойнаго Афремова, наложить на оное запрещеніе, впредь до совершеннаго разрѣшенія иска въ пользу казны. Между тѣмъ, гражданская палата, не ожидая рѣшенія уѣзднаго суда, сдѣлала, въ августѣ 1841 года, суду предписаніе взять имѣніе Афремова въ вѣдѣніе опеки. Медыньскій уѣздный судъ, рѣшивъ дѣло въ пользу довѣрителей Миронова, обратился въ гражданскую палату съ вопросомъ: надлежитъ-ли, въ виду означеннаго постановленія суда, передавать спорное имѣніе въ вѣдѣніе дворянской опеки?

Палата, однако, настояла на своемъ опредѣленіи объ опекѣ, съ тѣмъ, чтобы собираемые съ имѣнія доходы отсылались въ приказъ общественнаго призрѣнія, объяснивъ при томъ, что чрезъ таковое средство наслѣдники, если за ними будетъ имѣніе окончательно утверждено, ничего не потеряютъ и могутъ впоследствии означенными доходами воспользоваться. На дѣйствія палаты и прокурорскаго надзора Арсеньевы подали въ январѣ 1842 года жалобу Правительствующему Сенату (по 7-му департаменту), а въ ноябрѣ обратились съ таковою же къ ревизовавшему въ то время Калужскую губернію сенатору, тайному совѣтнику Дмитрію Никитичу Бѣгичеву.

Въ жалобѣ своей послѣднему Арсеньевы указывали, что въ

тѣхъ губерніяхъ, гдѣ учреждено управленіе государственными имуществами, всѣ обязанности казенныхъ дѣлъ стряпчихъ по отношенію къ государственнымъ имуществамъ перешли къ стряпчимъ и окружнымъ начальникамъ означеннаго управленія; что губернской казенныхъ дѣлъ стряпчій принялъ на себя обязанность и власть ему неприсвоенная, при чемъ главнымъ основаніемъ къ опроверженію доказательствъ на право наследства выставилъ то, что представленныя просителями двѣ родословныя были безъ надлежащихъ удостовѣреній присутственныхъ мѣстъ и въ одной изъ нихъ не показано племянницы Арсеньевыхъ Маріи Михайловой и сына ея Михаила Лермонтова, тогда какъ лица эти значатся по другой родословной.

Объяснивъ всѣ недостатки, по ихъ мнѣнію, въ производствѣ дѣла, Арсеньевы просили сенатора оградить ихъ въ правахъ неотъемлемой собственности, съ предоставленіемъ права распоряжаться имѣніемъ, оставивъ оное только подъ запрещеніемъ крѣпостей и сдѣлокъ, впредь до окончанія дѣла.

Разсмотрѣвъ, вслѣдствіе такой жалобы, подлинное производство объ утвержденіи Арсеньевыхъ и Лермонтова въ правахъ наследства къ имѣнію Афремова, Дмитрій Никитичъ Бѣгичевъ нашель, что „слѣдуетъ обратить вниманіе, что дѣло уже было въ разсмотрѣніи Калужской гражданской палаты и имѣніе находилось въ управленіи наследниковъ по рѣшенію судебнаго мѣста, то какимъ образомъ могли дойти свѣдѣнія до губернскаго стряпчаго; былъ ли протестъ со стороны уѣзднаго стряпчаго, или овъ по какимъ-либо другимъ основаніямъ возбудилъ опять производство дѣла, которое уже вошло въ законную силу. Надобно справиться и сообразить съ закономъ, въ какихъ именно случаяхъ и по чьему распоряженію можетъ быть возобновлено дѣло, вошедшее уже въ законную силу, и имѣетъ ли право гражданская палата возвращать апелляціонное дѣло, не входя ни въ какое разсмотрѣніе. Почему прокуроръ сдѣлалъ заключеніе свое о возобновленіи дѣла, которое рѣшено безъ всякихъ отъ кого-либо жалобъ и протеста уѣзднаго стряпчаго, этого по дѣлу не видно“.

По отношенію къ выдачѣ стряпчему свидѣтельства на переносъ дѣла сенаторъ Бѣгичевъ высказалъ свое сомнѣніе. „Правильно ли это“?—говоритъ онъ—„И можно ли возстановлять апелляцію по прошествіи установленнаго срока.—Законы о правахъ владѣнія одинаковы какъ для казны, такъ и для частныхъ людей и ежели допустить безусловно и безъ соблюденія общихъ основныхъ правилъ объ апелляціи возобновлять

дѣла, вошедшія въ законную силу, въ такомъ случаѣ никто не можетъ быть покойнымъ владѣльцемъ своего имѣнія и всякій прокуроръ и стряпчій можетъ завести въ процессъ и имѣніе подвергнуть разстройству, требуя, чтобъ оно до окончанія процесса было взято въ опекуное управленіе“.

Указаніе просителей на принятіе губернскимъ стряпчимъ на себя обязанностей стряпчаго государственныхъ имуществъ признано Бѣгичевымъ въ данномъ случаѣ не существеннымъ. „Ежели“,—говоритъ онъ,—„дѣло сіе разсматривать въ отношеніи къ правамъ апелляціи, то ни тотъ, ни другой стряпчій не могли возобновлять это дѣло по прошествіи апелляціоннаго срока“. Ссылка стряпчаго на разницу въ представленныхъ просителями родословныхъ, какъ на основаніе къ опроверженію правъ Арсеньевыхъ на наслѣдство, была признана сенаторомъ неуважительною, такъ какъ отсутствіе въ одной изъ родословныхъ имени племянницы Арсеньевыхъ Маріи Михайловой и сына ея Михаила Лермонтова „есть дѣло постороннее между частными лицами и нисколько не можетъ служить основаніемъ къ отсужденію имѣнія въ казну“. Видя изъ дѣла, что Арсеньевыми и Лермонтовымъ были представлены, кромѣ означенныхъ родословныхъ, ревизскія сказки, исповѣдныя свидѣтельства, купчія крѣпости, дарственныя записи, раздѣльные акты и справки вотчиннаго департамента, Дмитрій Никитичъ нашель, что „всего этого по точному смыслу закона о правахъ наслѣдства слишкомъ достаточно, по основанію ст. 156 т. 10 и правъ состоянія 9 тома“. Стряпчій сослался на то, что по закону при всякомъ опредѣленіи близости родства за доказательство пріемлются приходскія (метрическія) книги и, смотря по званію лицъ, коихъ родство отыскивается, — родословныя дворянскія книги, городовыя обывательскія книги, ревизскія сказки и прочіе акты состояній, вслѣдствіе чего признавалъ представленіе метрическихъ книгъ обязательнымъ. Сенаторъ же Бѣгичевъ выразилъ, что въ законѣ того, чтобы „метрическія книги были непремѣнно представляемы и основывать только на нихъ утвержденіе правъ наслѣдства, не только не сказано, напротивъ постановлено, смотря по званію лицъ, принимать другіе документы въ основаніе“. Наконецъ, допущеніе стряпчаго къ подписанію неудовольствія на рѣшеніе уѣзднаго суда отъ 2 октября 1841 г. Д. Н. Бѣгичевъ призналъ явнымъ нарушеніемъ закона, потому что уничтожено было первое рѣшеніе суда и сдѣлано другое, противорѣчащее, а настояніе гражданской палаты о взятіи имѣнія въ опеку заставило его не мало

потрудиться для отысканія тѣхъ основаній, по которымъ палата „не разсмотрѣвъ дѣла въ существѣ его, постановила требовать, чтобы имѣніе было взято въ опеку“.

Въ то время, какъ сенаторъ Бѣгичевъ собиралъ, для выясненія дѣла, справки, пришелъ указъ Сената о взятіи имѣнія Афремова въ опеку, вслѣдствіе чего Д. Н. 17 іюля 1843 г. предписалъ Елецкому земскому суду объ объявленіи Арсеньевымъ, что за послѣдовавшимъ рѣшеніемъ Сената онъ, Бѣгичевъ, не можетъ сдѣлать никакихъ распоряженій по поданной ими просьбѣ объ означенномъ предметѣ, а 3 сентября предложилъ Калужской палатѣ гражданскаго суда войти въ ближайшее разсмотрѣніе и постановить законное опредѣленіе о томъ: слѣдуетъ ли сложить запрещеніе съ имѣнія Арсеньевыхъ.

Вышеупоминаемый указъ Правительствующаго Сената явился результатомъ разсмотрѣнія дѣла объ имѣніи Афремова, по поданному Александромъ Васильевичемъ Арсеньевымъ прошенію.

Арсеньевъ 5 января 1842 г. жаловался Правительствующему Сенату, во 1-хъ, на Калужскую гражданскую палату въ томъ, что она допустила стряпчаго казенныхъ дѣлъ начать искъ чрезъ 1½ года послѣ того, какъ онъ и другіе наследники были введены во владѣніе имѣніемъ Афремова, и въ противность 258 ст. 2 т. Св. Учр. губ. возвратила дѣло въ уѣздный судъ безъ разсмотрѣнія; что палата, основываясь на одномъ представленіи губернскаго стряпчаго, предписала взять имѣніе Афремова въ опеку и симъ частнымъ заключеніемъ уничтожила рѣшеніе судебного мѣста, вошедшее въ отношеніи владѣнія имѣніемъ въ законную силу; что мѣра, придуманная палатою, ограничивая ихъ право, стѣсняетъ въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ и можетъ возродить въ крестьянахъ мысль отчужденія въ вѣдомство казны, отчего работы исполняются медленно и тѣмъ приносится ощутительный вредъ; во 2-хъ, на губернскаго стряпчаго казенныхъ дѣлъ, который дѣйствуетъ де изъ одного желанія стѣснять ихъ въ правѣ наследства и въ противность закону,—почему просилъ дать дѣлу законное теченіе, устранивъ этого стряпчаго отъ ходатайства по оному, имѣніе же возвратитъ во владѣніе его и другихъ наследниковъ.

Одновременно съ жалобою Арсеньева, въ Сенатъ были внесены рапортъ губернскаго правленія и протестъ на изложенное въ этомъ рапортѣ мнѣніе губернскаго прокурора. Губернское правленіе нашло, что не должно посылать къ губернскому стряпчему казенныхъ дѣлъ, для рукоприкладства, выписокъ

изъ дѣлъ, производящихся въ первой степени суда объ искахъ казны, потому что тяжбы о правѣ на недвижимыя имѣнія между казною и частными лицами производятся по общему порядку судопроизводства вотчинныхъ дѣлъ, а по этому порядку тяжущіеся являются по вызовамъ сами въ судъ и дѣлаютъ рукоприкладства къ выпискамъ; по дѣламъ же казны съ частными лицами въ судъ первой степени ходатайствуютъ и выслушиваютъ рѣшенія уѣздные стряпчіе, а къ губернскому стряпчему обязанность эта отнесена тогда, когда дѣло перейдетъ въ судъ второй степени; по приведеніи же въ 1839 г. въ дѣйствіе учрежденія объ управленіи государственными имуществами, всѣ тѣ обязанности присвоены стряпчимъ палаты государственныхъ имуществъ и окружнымъ начальникамъ; слѣдовательно, отъ нихъ зависитъ, по степени производства дѣла, ходатайствовать и переводить дѣла узаконеннымъ порядкомъ, по инстанціямъ изъ одного въ другое судебное мѣсто, — почему, по мнѣнію губернскаго правленія, нельзя обвинять и подвергать высканію Мединскій уѣздный судъ въ непредставленіи выписки изъ дѣла объ имѣніи Афремова, для рукоприкладства, къ губернскому стряпчему казенныхъ дѣлъ и въ необъявленіи ему рѣшенія апелляціоннымъ порядкомъ. Не считая, однако, себя въ правѣ оставить безъ удовлетворенія требованіе гражданской палаты, губернское правленіе представило о томъ Правительствующему Сенату, испрашивая разрѣшенія: къ кому должно относиться произведеніе иска и ходатайство на пріобрѣтеніе имѣнія въ казну по праву выморочному, къ губернскому стряпчему казенныхъ дѣлъ или къ стряпчему палаты государственныхъ имуществъ и окружному начальнику?

Въ протестѣ калужскаго губернскаго прокурора противъ изложеннаго заключенія было высказано: 1) что губернское правленіе, рассматривая поступокъ уѣзднаго суда, не должно было входить въ сужденіе дѣйствія равнаго мѣста, — палаты, обсудившей уже тѣ поступки; 2) что, при встрѣчѣ сомнѣнія, правленіе должно было обратиться къ 257 и 329 ст. 2 т., а не къ Правительствующему Сенату; 3) что палата государственныхъ имуществъ не можетъ ходатайствовать по этому дѣлу, ибо она защищаетъ имѣнія, уже вошедшія въ ея управленіе, настоящее же имѣніе еще не поступило въ казенное вѣдомство, а присваивается въ частную собственность, и при томъ Афремовъ умеръ въ 1837 г., когда всѣ имѣнія защищались стряпчимъ казенныхъ дѣлъ; 4) что ходатайство по сему дѣлу предостав-

лено было стряпчему казенныхъ дѣлъ гражданской палатою, въ чемъ уполномочило его и губернское правленіе 21 марта 1841 г.; 5) что дѣло это начато стряпчимъ казенныхъ дѣлъ, почему онъ и обязанъ, какъ истецъ, читать выписки и быть апелляторомъ, а не окружный начальникъ и не стряпчій государственныхъ имуществъ; 6) что стряпчій казенныхъ дѣлъ доводилъ до свѣдѣнія палаты государственныхъ имуществъ дѣйствія свои и возраженія не получалъ, и что, наконецъ, онъ, прокуроръ, самъ по жалобѣ штабсъ-капитана Арсеньева на него и стряпчаго казенныхъ дѣлъ не получилъ отъ министра запрещеніе дѣйствовать послѣднему по сему дѣлу.

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства, нашель: 1) что при тѣхъ притязаніяхъ, которыя объявлены на имѣніе Афремова со стороны казны губернскимъ стряпчимъ казенныхъ дѣлъ и палатою государственныхъ имуществъ и которыя не были въ виду уѣзднаго суда при первоначальномъ его рѣшеніи, гражданская палата, обративъ поступившее къ ней дѣло въ уѣздный судъ къ новому рѣшенію, поступила правильно и съ закономъ согласно; 2) что при такомъ казенномъ искѣ и состоявшемся въ уѣздномъ судѣ вторичномъ рѣшеніи въ пользу частныхъ лицъ, судъ обязанъ былъ въ дальнѣйшемъ ходѣ сего дѣла соблюсти въ точности установленный въ законѣ порядокъ; отступивъ же отъ того порядка и допустивъ медленность и даже противорѣчіе въ исполненіи предписанія палаты, уѣздный судъ подвергъ себя справедливому выговору; 3) что ходатайства о правахъ казны въ дѣлахъ и недвижимыхъ имуществъ относятся къ обязанностямъ стряпчихъ палатъ государственныхъ имуществъ и окружныхъ начальниковъ, слѣдовательно, на ихъ отвѣтственности лежитъ и въ настоящемъ дѣлѣ защита казеннаго права, безъ участія въ томъ губернскаго стряпчаго казенныхъ дѣлъ; наконецъ, 4) что при слѣдственномъ ходѣ, который должно будетъ принять это дѣло, рѣшеніе судебного мѣста, подлежащее дальнѣйшей ревизіи, не можетъ быть приведено въ исполненіе, за силою 2166 ст. 10 т. св. зак. гражд., почему и имѣніе Афремова, хотя и присуждено уѣзднымъ судомъ частнымъ лицамъ, не можетъ быть имъ отдано впредь до совершеннаго окончанія сего дѣла, а должно находиться въ опекуновомъ управленіи, ибо права частныхъ лицъ на оное окончательно еще не утверждены. Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ полагалъ: Калужской гражданской палатѣ предписать,

чтобъ, по выполненіи Медынскимъ уѣзднымъ судомъ апелляціоннаго обряда, какъ въ отношеніи частныхъ лицъ, такъ и казны на вышеизложенномъ основаніи, дѣло это представлено было на ревизію въ палату, которая также въ производствѣ онаго и въ дальнѣйшемъ его ходѣ обязана будетъ поступить по правиламъ 2067 ст. 10 т. и 3 прим. къ ней въ продолженіи свода. Затѣмъ, утвердивъ распоряженіе гражданской палаты о взятіи имѣнія Афремова въ опекунское управленіе, — въ жалобѣ штабсъ-капитана Арсеньева отказать.

На такое заключеніе Правительствующаго Сената обер-прокуроръ Дмитріевъ подалъ свое мнѣніе. Признавая опредѣленіе Сената въ отношеніи порядка производства дѣла и предоставленія защиты казеннаго права стряпчему палаты государственныхъ имуществъ правильнымъ и съ законами согласнымъ, онъ, однако, полагалъ мѣру охраненія спорнаго имѣнія ограничить положеніемъ на оное запрещенія впредь до окончательнаго рѣшенія, не подвергая его опекунскому управленію, какъ потому, что объявившіе на то имущество наследственныя права подкрѣпляютъ ихъ родословными и справками вотчиннаго департамента, признанными судебнымъ мѣстомъ достаточными, такъ и по той причинѣ, что по вызовамъ чрезъ газеты въ теченіе $\frac{1}{2}$ года, кромѣ объявившихъ свои права, никто не явился, а по закону (764 ст. 10 т.) по истеченіи сего срока на лицо находящіяся наследники вступаютъ во владѣніе оставшимся наследствомъ; что же касается до правъ казны, то они объявлены также по прошествіи того срока и впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла могутъ быть достаточно обезпечены наложеніемъ на то имѣніе запрещенія.

Министръ юстиціи гр. В. Н. Павинъ, усматривая, что въ означенномъ дѣлѣ заключается общій вопросъ, къ кому должно относиться произведеніе иска и ходатайство о принадлежности имѣнія въ казну, по праву выморочному, — къ губернскому стряпчему казенныхъ дѣлъ или къ стряпчему палаты государственныхъ имуществъ, призналъ нужнымъ опредѣленіе Сената препроводить на заключеніе министра государственныхъ имуществъ, а 11 декабря 1842 г. получилъ отъ послѣдняго отвѣтъ, что, по его мнѣнію, уѣздные и губернскіе казенныхъ дѣлъ стряпчіе, если по производящимся въ судебныхъ мѣстахъ дѣламъ усмотрятъ основанія къ заключенію о выморочности имѣнія, должны доводить о томъ до свѣдѣнія губернскаго прокурора, въ представляемыхъ ему по установленному порядку

вѣдомостяхъ, по соображеніи съ коими, стряпчіе государственныхъ имуществъ обязаны будутъ начать иски и имѣть въ защиту правъ казны надлежащее ходатайство.

Такое заключеніе министра государственныхъ имуществъ гр. Киселева было передано гр. Панинымъ на разсмотрѣніе Сената, который, оставаясь при прежнемъ мнѣніи относительно порядка производства дѣла объ имѣніи Афремова и охраненія онаго, согласился, однако, съ министромъ государственныхъ имуществъ въ томъ, что возбужденіе ходатайствъ о правахъ казны по выморочнымъ имѣніямъ принадлежитъ къ обязанностямъ стряпчихъ палатъ государственныхъ имуществъ и окружныхъ начальниковъ. О состоявшемся постановленіи Сената Калужская гражданская палата была увѣдомлена указомъ 26 мая 1843 года.

Въ этомъ порядкѣ дѣло, по апелляціонной жалобѣ окружнаго начальника, поступило вновь въ Калужскую палату гражданского суда, гдѣ была составлена изъ онаго выписка и сдѣланъ вызовъ тяжущихся къ выслужанію ея и рукоприкладству, съ назначеніемъ на явку срока. Переданная губернскому казенныхъ дѣлъ стряпчему, выписка была возвращена безъ просмотра и рукоприкладства якобы по устраненію его означеннымъ выше рѣшеніемъ Сената отъ участія въ дѣлѣ. Когда же она поступила на тотъ же предметъ въ палату государственныхъ имуществъ, то и эта палата возвратила выписку, съ увѣдомленіемъ, что, за силою того же распоряженія, она поручить стряпчему государственныхъ имуществъ выслушать выписку и сдѣлать рукоприкладство не осмѣливается. Между тѣмъ, пока шла эта переписка, назначенный судебною палатою для выслушанія выписки срокъ истекъ.

Вмѣсто того, чтобы, по истеченіи срока, приступить къ рѣшенію дѣла, палата вошла, въ декабрѣ 1844 года, съ представленіемъ въ Правительствующій Сенатъ и испрашивала разрѣшенія, кому изъ стряпчихъ слѣдуетъ выслушать выписку?

Въ маѣ 1845 года вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ 7 департаментомъ Сената, признавшимъ, что наблюденіе за этимъ дѣломъ должно принадлежать стряпчему палаты государственныхъ имуществъ.

Но въ то время, когда представленіе Калужской палаты гражданского суда находилось въ Сенатѣ еще не выслушаннымъ, а именно 26 апрѣля 1845 года, одинъ изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, штабсъ-капитанъ Александръ Васильевичъ Арсеньевъ, подалъ министру юстиціи просьбу объ ускореніи раз-

рѣшенія Сенатомъ упомянутаго вопроса, при чемъ въ просьбѣ этой, между прочимъ, говорилъ: „Въ самомъ началѣ сего дѣла и въ производствѣ онаго всѣ существующія, подлежащія къ дѣлу статьи закона не были исполнены въ буквальномъ ихъ смыслѣ, но вездѣ и во всякомъ случаѣ видно одно: лишить насъ неповоленнымъ образомъ имѣнія.

Имѣніе заложено бывшимъ владѣльцемъ его въ Московскомъ опекуномъ совѣтѣ и, за неплатежъ слѣдующей ежегодно части капитала и процентовъ, подвергнуто было совѣтомъ продажѣ, но не продавалось только потому, что со стороны нашей были приняты къ тому надлежащія мѣры. Опекунъ же имѣнія, будучи обязанъ не допускать продажи, чрезъ представленіе доходныхъ денегъ, самъ прибылъ въ опекунскій совѣтъ въ день торговъ, для покупки того имѣнія. Къ тому жъ имѣніе разрушается въ составѣ господскаго строенія и не поддерживается. Оранжерея, чрезъ продажу деревьевъ, уничтожена безъ нашего согласія и даже свѣдѣнія. Хлѣбные амбары разрушились, и хлѣбъ хранится въ каретномъ сараѣ.

Что имѣніе принадлежитъ намъ, и никогда, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отсуждено отъ насъ, это укажетъ самое окончаніе дѣла; но какъ въ производствѣ этого дѣла допускается весьма разительная медленность, то для окончанія онаго, судя по тому, сколько оно уже продолжается, потребны еще многіе годы, въ теченіе которыхъ, по теперешнему охраненію имѣнія, все господское строеніе разрушится, а можетъ быть и все имѣніе будетъ продано за неплатежъ въ опекунскій совѣтъ и частнымъ лицамъ долга. Слѣдовательно, мы, въ первомъ случаѣ, при возвращеніи имѣнія, должны будемъ принять развалины и на возведеніе строенія употребить многотысячную сумму, а въ послѣднемъ—должны лишиться и самаго имѣнія, потому только, что оно находится въ опекуномъ управленіи, не имѣя даже въ виду, кѣмъ и когда мы можемъ быть удовлетворены въ потерѣ нашей. Вотъ причины, побудившія меня,—говоритъ Арсеньевъ,—обратиться къ вашему сіятельству. Взгляните на это дѣло съ какой вамъ угодно стороны, справедливы ли дѣйствія моихъ противниковъ? На чемъ основываясь, они оспариваютъ имѣніе у насъ? Вы увидите рѣзкое стѣсненіе намъ и неисполненіе законовъ. Тогда какъ наши мудрые монархи изданіемъ ихъ стараются доставить благоденствіе своимъ подданнымъ. Ваше сіятельство! вы одинъ изъ главныхъ блюстителей исполненія законовъ и дабы никто не стѣснялся судебнымъ процессомъ, подобно тому какъ мы, а по

тому я осмѣливаюсь покорнѣйше просить васъ обратить на это дѣло особенное вниманіе ваше и, устранивъ всякаго рода медленность, доставить окончаніе дѣлу въ кратчайшее время и тѣмъ не лишитъ насъ того, что принадлежитъ намъ по закону“.

Результатамъ просьбы было предписаніе и. д. калужскаго губернскаго прокурора „наблюсти въ гражданской палатѣ, дабы, по полученіи указа Правительствующаго Сената, въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла не было допущено ни малѣйшей медленности“.

Результатъ спора Арсеньевыхъ съ казною изъ-за имѣнія Афремова намъ неизвѣстенъ.

Небезынтересными, между прочимъ, являются нѣкоторыя бумаги, входящія въ составъ описаннаго дѣла. Такъ, напримѣръ, донесеніе калужскаго губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго Ключарева прокурору отъ 11 апрѣля 1841 г., въ которомъ онъ противъ прошенія А. В. Арсеньева говоритъ: „чтобы показать всю затѣянность въ дѣлѣ Арсеньева и Миронова, столько увлекшихся неумѣренными выраженіями на справедливое пріобрѣтеніе казны по праву выморочному имѣнія, которое будто бы Арсеньевъ получилъ по правамъ законовъ, смѣло принимаю на себя обязанность уличить его въ явномъ обманѣ. Это доказывается тѣмъ: 1) что на наслѣдство послѣ Афремова объявили права не одни Арсеньевы и Лермонтовъ, но еще маіоръ Николай Петровъ Афремовъ, который, не прося отдать ему имѣнія вотчинника, обѣщался представить доказательства, однако таковыхъ не представилъ; впрочемъ, на основаніи 10 т. Св. зак. 767 ст., имѣетъ десятилѣтній срокъ. Арсеньевы же, подобно однофамильцу Афремову, не представивъ никакихъ доказательствъ о родствѣ своемъ съ покойнымъ вотчинникомъ, просили отдать имъ имѣніе его и получили. Это, по мнѣнію г. Арсеньева, Медынскій уѣздный судъ поступилъ законно. 2) г. Арсеньевъ пишетъ, что дѣло его священно по совѣсти и закону; но изъ обстоятельствъ того дѣла ясно видно, что онъ получилъ съ прочими наслѣдниками имѣніе Афремова безъ представленія доказательствъ, тогда какъ непременно былъ обязанъ предварительно доказать близость родства метрическими свидѣтельствами и дворянскими родословными книгами. Изъ сего рождается вопросъ: развѣ преслушаніе законовъ есть дѣло священное? 3) Не вмѣшался я въ дѣло о имѣніи Афремова, какъ выразился г. Арсеньевъ въ извѣтѣ своемъ, а началъ искъ въ пользу казны на основаніи 727 ст. 10 тома, по непредставленію Арсеньевыми и Лермонтовымъ о родствѣ съ вотчинникомъ Афремовымъ доказательства, которыя должны

быть тѣмъ болѣе пояснены, что они ведутъ родство свое въ боковой линіи по женскому колѣну. 4) О приобрѣтеніи въ казну имѣнія Афремова по праву выморочному я знакомымъ моимъ не рассказывалъ, равно и повѣренному Арсеньева Миронову; но, дабы напрасно не войти въ производство иска, любопытствовалъ у судьи Медынскаго уѣзднаго суда относительно справедливости отдачи онымъ судомъ имѣнія, но былъ обмануть его увѣреніемъ; и этотъ разговоръ, вѣроятно, былъ переданъ судьей совѣтнику губернскаго правленія Миронову, по короткому ихъ знакомству. 5) Арсеньевъ выказываетъ повѣреннаго своего хорошо и десятки лѣтъ извѣстнымъ въ безпристрастіи.

Напротивъ, по дѣламъ, производимымъ въ Орловской уголовной палатѣ, по бытности Миронова елецкимъ уѣзднымъ стряпчимъ, онъ извѣстенъ съ другой стороны; да и жители Калужской губерніи знаютъ качество сего чиновника, а особенно по иску купеческой вдовы Натальи Макаровой, производящемуся въ Калужскомъ уѣздномъ судѣ, о заложенномъ ему, Миронову, за 3 т. руб. жемчугъ, цѣнимомъ ею въ 12 т. руб., означеннымъ судомъ, согласно опредѣленію его, Мироновъ требуется въ оный для говоренія суда по формѣ, но оказываетъ уклоненіе отъ явки на судъ. Для убѣжденія же въ истинѣ сказаннаго, можетъ служить настоящее дѣло еще сильнѣйшимъ доказательствомъ: а) совѣтникъ губернскаго правленія Мироновъ купилъ у Арсеньевыхъ и Лермонтова такое имѣніе, которое, по праву выморочному, можетъ поступить въ казну; б) сдѣлался повѣреннымъ въ такомъ дѣлѣ, которое производится въ мѣстѣ его служенія; с) учинилъ противозаконную сдѣлку съ опекуномъ Вельяшевымъ, который избличался, вмѣстѣ съ засѣдателемъ Медынскаго уѣзднаго суда Дурновымъ, въ злоупотребленіяхъ по имѣнію Афремова; о чемъ, по замѣченнымъ Калужскою гражданскою палатою противозаконнымъ дѣйствіямъ, вслѣдствіе требованія ея губернскимъ правленіемъ командированъ чиновникъ особыхъ порученій г. гражданского губернатора Тобіасъ для изслѣдованія оныхъ, не сдѣлано ли что имъ,—миѣ неизвѣстно; д) далѣе, Мироновъ получилъ отъ него же, опекуна, положенный Правительствующимъ Сенатомъ на покойнаго Афремова штрафъ, слѣдующій въ казну, и онаго до сего времени не внесъ. Развѣ все сіе означаетъ безпристрастіе Миронова. 6) Арсеньевъ поставляетъ въ обвиненіе миѣ то, что начинать иски о выморочныхъ имѣніяхъ есть дѣло стряпчаго палаты государственныхъ имуществъ; но это обвиненіе неумѣстно потому, что казенныхъ дѣлъ стряпчій не устраненъ отъ

участія въ дѣлахъ казны; напротивъ, обязанность его состоитъ въ защищеніи правъ казны, сколько по должности, столько по вѣрноподданнической присягѣ. Притомъ Арсеньевъ считаетъ себя въ семъ дѣлѣ совершенно правымъ, то отчего же онъ убѣгаетъ ходатайства моего по сему дѣлу и представленія узаконенныхъ доказательствъ,—чрезъ что, само собою разумѣется, разрѣшилось бы всякое сомнѣніе, а безъ представленія оныхъ имѣнія получить не возможно, поелику оное будетъ слѣдовать, по праву выморочному, въ казну. Какія же Арсеньевъ представилъ доказательства, имѣющія силу 156 ст. 10 тома, я отъ гражданской палаты свѣдѣнія не имѣю, но безошибочно могу заключить, что если бы оныя были представлены въ палату, то какое было бы основаніе со стороны оной исполнить мое требованіе и предоставить опредѣленіемъ своимъ означенному дѣлу ходъ, установленный между частными людьми и казною.

Впрочемъ, справедливо кажется то только, что безпристрастный Мироновъ написалъ Арсеньеву, — почто имъ пропущенъ въ родословной внукъ Лермонтовъ, это обстоятельство, по его мнѣнію, не рождаетъ никакого сомнѣнія въ настоящемъ дѣлѣ и не давало мнѣ права заключать, что имѣніе можетъ быть выморочное, и поэтому не слѣдовало мнѣ начинать иска. Каково сужденіе его въ отношеніи къ своему интересу! И по всей справедливости долженъ теперь согласиться, что при исполненіи моемъ строго воли законовъ, ему, дѣйствительно, нуженъ по дѣлу сему такой назидатель, который бы волю и мнѣніе его считалъ священными, какъ и самую волю законовъ, да способствовалъ Миронову дѣлать подобнаго рода неблаговидныя спекуляціи. 7) Настоящее прошеніе есть произведеніе одного и того же повѣреннаго Миронова; истина сего доказывается тѣмъ: а) что прошеніе его сіятельству (министру юстиціи гр. Панину) переписывалъ служащій въ Калужскомъ губернскомъ правленіи губернской регистраторъ Алексѣй Михайловъ сынъ Рыковъ, тотъ самый, который переписывалъ вашему высокоблагородію (прокурору) отъ повѣреннаго Миронова два прошенія по сему же дѣлу. Извольте сообразить духъ тѣхъ прошеній съ поданнымъ на имя его сіятельства и вы, вѣрно, найдете одинъ и тотъ же, б) что отношеніе мое Калужской палатѣ государственныхъ имуществъ, пущенное отъ 22-го января сего года за № 19, которымъ я отзывался ей представлять доказательства мои въ семъ дѣлѣ, по тому уваженію, что оныя обязаны представить Арсеньевы и Лермонтовъ, а мое дѣло есть

повѣрить оныя, сдѣлалось уже извѣстнымъ такъ скоро г. Арсеньеву, живущему Орловской губерніи въ Елецкомъ уѣздѣ, и что онъ въ поданномъ къ его сіятельству прошеніи успѣлъ все помѣстить и прошеніе сіе 19-го февраля получено уже въ С.-Петербургѣ. Какимъ образомъ могъ Арсеньевъ собрать всѣ эти свѣдѣнія въ короткое время, не имѣя для сего особаго сотрудника, которымъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ ни кто иной, какъ повѣренный его совѣтникъ губернскаго правленія Мионовъ; но какъ и сей послѣдній могъ получить означенное свѣдѣніе? Я остаюсь въ семъ случаѣ въ молчаніи. Одно лишь скажу, что ему палатою государственныхъ имуществъ, какъ извѣстно мнѣ, въ списаніи копій съ моихъ отношеній было отказано формально. 8) Личностей я съ Мионовымъ никакихъ не имѣлъ, и если знаю его, то какъ чиновника по службѣ, но отъ связей знакомства моего съ нимъ всегда былъ далекъ; слѣдовательно, какимъ образомъ могла возродиться во мнѣ мысль, столь чуждая каждому благонамѣреннаго человѣка, къ мщенію за то только, что Мионовъ сдѣлался повѣреннымъ штабсъ-капитана Арсеньева и что онъ съ братьями продалъ ему имѣніе? Здѣсь нѣтъ никакого повода съ моей стороны къ принятію столь гнусныхъ мѣръ, совершенно чуждыхъ по характеру моему; но что Мионовъ, встрѣтивши въ предпринятой имъ операціи относительно покупки имѣнія Афремова препятствіе и что мною уже открыты всѣ противозаконныя его спекуляціи, правдоподобіе имѣлъ причину питать ко мнѣ злобу и собственно, смѣю уже сказать, изъ мщенія составилъ изъ ложныхъ заключеній для г-на Арсеньева прошеніе, оставаясь въ ложномъ убѣжденіи, что онъ можетъ поселить въ начальствѣ моемъ невыгодное обо мнѣ имѣніе; приписавъ наконецъ высшей степени оскорбленія для гг. Арсеньевыхъ изъявленное мною на судью Медынскаго уѣзднаго суда г. Дурново и секретаря Чернышева подозрѣніе; но это обстоятельство основано было на извѣстности мнѣ короткаго знакомства оныхъ лицъ съ Мионовымъ, по случаю состоянія у него въ томъ же уѣздѣ имѣнія, а не менѣе того и на преждевременной отдачѣ ими Арсеньевымъ и Лермонтову имѣнія Афремова, безъ доказательствъ, положенныхъ 156 ст. 10 т. Свода Гражд. законовъ; какія же полагаетъ г. Арсеньевъ употребленныя мною фразы обидными для него и повѣреннаго Мионова, того въ просьбѣ своей его сіятельству не объяснилъ; съ моей же стороны вся переписка заключалась въ томъ: а) что имѣніе Афремова отдано Арсеньевымъ и Лермонтову безъ представленія законныхъ

доказательствъ. Это есть сущая справедливость! б) что имѣніе сіе слѣдуетъ по-прежнему подвергнуть вѣдомству дворянской опеки. Это необходимо! в) что оно до представленія положенныхъ вышеозначенною статьею доказательствъ есть выморочное, по разуму 727 ст. того же тома. Это неспоримо и д) что Мироновъ обязанъ внести въ казну штрафныя деньги, полученные имъ отъ опекуна Вельяшева. Въ этомъ всякій долженъ быть увѣренъ, безъ убѣжденія моего! Что же въ сей перепискѣ есть обиднаго? я понять не могу. 9) Я не придумывалъ начать искъ въ семь дѣлъ, но былъ къ этому обязанъ моею должностію,—для чего же бы иначе казна имѣла своего стряпчаго, какъ не для соблюденія правъ и пользы ея? Но г-нъ Арсеньевъ выразился, будто бы я, чрезъ начатіе иска по сему дѣлу, вышелъ изъ предѣловъ моей обязанности, власти и даже удалился отъ исполненія силы закона. Это сказано имъ весьма много! Я, по мнѣнію повѣреннаго Миронова, въ продолженіе всѣхъ моихъ дѣйствій нарушилъ одну только форму, что вмѣсто иска, предъявилъ чрезъ уѣзднаго стряпчаго мое неудовольствіе на послѣдовавшее уже неправильное рѣшеніе Медынскаго уѣзднаго суда по означенному дѣлу, а по отказу того суда я не медля обратился съ жалобою въ Калужскую палату гражданскаго суда на невыдачу мнѣ уѣзднымъ судомъ свидѣтельства на право апелляціи, равно какъ съ предъявленіемъ претензіи о обращеніи того имѣнія въ казну по праву выморочному и взятіи онаго въ завѣдываніе опеки. Не тотъ ли же самый ходъ, если бы я обратился въ вышеозначенный судъ съ своимъ искомъ,—ибо доказательство съ моей стороны одно и то же, что имѣніе Афремова преждевременно отдано Арсеньевымъ, безъ предъявленія законныхъ правъ на пріобрѣтеніе сего наслѣдства. Слѣдовательно, какое я сдѣлалъ отступленіе отъ порядка законнаго и чѣмъ стѣснилъ права собственности ихъ? Онъ получилъ имѣніе Афремова съ наслѣдниками по однѣмъ разнорѣчивымъ родословнымъ, самымъ имъ съ прочими подписаннымъ, а между тѣмъ безъ всякаго основанія присвоили себѣ право оскорблять честь людей, обязанныхъ по должности своей имѣть наблюденіе за подобными дѣлами; и почему именно участіе мое въ настоящемъ дѣлѣ кажется имъ излишнимъ,—не понимаю! По мнѣнію моему, для праваго со стороны казны ходатайства все равно, чье бы оно ни было, ибо его ограждаетъ законъ. Если же повѣренный г-на Арсеньева, совѣтникъ губернскаго правленія Мироновъ, остается въ томъ убѣжденіи, что открывать иски для пользы казны не входитъ въ составъ

должности губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго, то противу сего остается сказать одно только, что защищать права казны входитъ въ составъ обязанностей всякаго вѣрноподданнаго, а ватмевать въ подобныхъ случаяхъ истину, какъ позволилъ себѣ г. Мионовъ, занимающій столь значительную въ общемъ губернскомъ управленіи должность, есть дѣло, по мнѣнію моему, противное и долгу и совѣсти“.

Въ рапортѣ министру юстиціи гр. Панину, отъ 18-го мая 1841 года № 98, калужскій губернскій казенныхъ дѣлъ стряпчій Ключаревъ, указывая, что имъ получена копія съ договора Миорова съ Арсеньевымъ и Лермонтовымъ о продажѣ послѣдними первому имѣнія, и представляя эту копію въ министерство, говорилъ: „рѣшеніе Медынскаго уѣзднаго суда, по которому отдано Арсеньевымъ и Лермонтову то имѣніе, состоялось 15-го марта 1839 года, а 3-го августа они продали его Мионову, тогда какъ рѣшеніе не пришло еще въ законную силу и повѣренный ихъ Мионовъ изъявилъ на оное неудовольствіе и подалъ въ Калужскую палату гражданскаго суда апелляціонную жалобу; съ сего договора 4⁰/₀ пошлинъ не взято, но покупательъ Мионовъ, въ качествѣ повѣреннаго, доселѣ управляетъ тѣмъ имѣніемъ полновластно и безотчетно, несмотря на требованіе мое отъ гражданской палаты и мѣстнаго уѣзднаго суда о взятіи того имѣнія, по-прежнему, въ вѣдѣніе дворянской опеки; Мионовъ обявлялся заплатить лежащія на имѣніи долги, и нѣкоторые уже перевелъ на свое имя, а другіе, какъ равно и казенное взыскаііе, донинѣ не заплатилъ, чѣмъ самымъ обременяетъ имѣніе накопленіемъ процентовъ, а мѣстный уѣздный судъ и Калужское губернское правленіе, производя переписку, не принимаютъ рѣшительныхъ мѣръ къ удержанію Миорова отъ злоупотребленій во вредъ казны“.

Приводимъ текстъ договора, записаннаго въ крѣпостную книгу подъ № 89-мъ.

„1839 г. августа 3 дня. Генералъ-маіоръ Никита, статскій совѣтникъ Василій, подполковникъ Григорій, маіоръ Николай, штабсъ-капитанъ Александръ Васильевъ дѣти Арсеньевы, Смоленскаго уланскаго полка юнкеръ Николай Дмитріевъ Арсеньевъ, лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка корнетъ Михайла Юрьевъ сынъ Лермонтовъ заключили сей договоръ съ коллежскимъ ассесоромъ Владиміромъ Ефимовымъ сыномъ Мионовымъ, въ томъ, что мы доставшееся намъ по праву наслѣдства отъ умершаго гвардіи поручика Василя Ларіонова сына Афремова, Калужской губерніи, Медынскаго уѣзда, село Дерново,

заключающеся изъ дворовыхъ людей и крестьянъ 168 душъ, со всею къ онымъ землею по крѣпостнымъ актамъ и по генеральному размежеванію всѣми угодыми, какъ-то: лѣсомъ, прудомъ, рѣкою, мельницею, господскимъ и крестьянскимъ строеніемъ—и сихъ послѣднихъ всякаго рода имуществомъ, господствомъ, господскою усадьбою и садами, и всѣмъ тѣмъ движимымъ имѣніемъ, какое осталось по немъ, со всѣми исками въ пользу умершаго Афремова, а по немъ намъ, и съ тѣми исками, какіе оказаться могутъ на опекунѣ, управлявшемъ тѣмъ имѣніемъ, унтеръ-офицерѣ Николаѣ Петровѣ Вельяшевѣ, продали ему, г. Миронову, за 84.000 ассигнаціями, съ переводомъ долга московскому опекунскому совѣту, какой окажется по настоящее число, и съ платежемъ извѣстныхъ намъ долговъ покойнаго Афремова, а именно: артиллеріи прапорщицѣ Елисаветѣ Рыбниковой, по заемному письму 9 декабря 1882 года. 2.000 рублей, ротмистру Василю Дурнову 5 августа 1827 г., 2.500 рублей, фейерверкершамъ 3 класса Аниѣ Ягуновой, 1 февраля 1836 г., 5.000 руб., штабсъ-капитаншѣ Аниѣ Козловой, 19 апрѣля 1835 г., 2.126 руб. 3 коп., калужскому купцу Дмитрію Посанцеву по счету 216 руб. 80 коп. ассигнаціями, если на оныя нѣтъ законныхъ опроверженій къ платежу, а затѣмъ остальные деньги заплатить ему, Миронову, намъ, Арсеньевымъ и Лермонтову, при написаніи сего условія 10.000 руб. ассигнаціями, и потомъ, за уплатою или переводомъ долговъ опекунскому совѣту и частнымъ лицамъ, по расчету при совершеніи купчей. Я же, Мироновъ, соглашаясь на сіе, предоставляю себѣ право заплатить по расчету долги опекунскому совѣту и частнымъ лицамъ, остальную сумму господамъ Арсеньевымъ и Лермонтову. Но прежде совершенія купчей, по утвержденіи сего условія явкою въ надлежащемъ мѣстѣ, обязуемся мы, Арсеньевы, Лермонтовъ и Мироновъ, просить опекунскій совѣтъ о согласіи на совершеніе купчей въ непродолжительномъ времени, и затѣмъ условіе сіе хранить во всякомъ случаѣ свято и ненарушимо и нигдѣ объ уничтоженіи онаго не просить; въ противномъ же случаѣ, кто если начнетъ изъ насъ, Арсеньевыхъ и Лермонтова, или наслѣдниковъ нашихъ о семъ дѣло, или г. Мироновъ и по немъ наслѣдники его, то тотъ обязанъ заплатить неустойку 50.000 руб. ассигн., и затѣмъ условію сему имѣть опредѣленную силу. Подлинное условіе должно быть изъ насъ у Миронова, а копія у Арсеньева и Лермонтова. Къ сему условію штабсъ-капитанъ и кавалеръ Александръ Васильевъ сынъ Арсеньевъ за себя и по довѣренностямъ ге-

нераль-маіора Никиты Арсеньева и корнета Лермонтова, явленнымъ въ С.-Петербургской Гражданской Палатѣ, статскаго совѣтника Василя, подполковника Григорія, маіора Никиты Васильевыхъ Арсеньевыхъ и племянника, Смоленскаго уланскаго полка юнкера Николая Арсеньева, явленнымъ въ Елецкомъ уѣздномъ судѣ, руку приложилъ. Къ сему условію коллежскій ассесоръ Владиміръ Ефимовъ сынъ Мироновъ руку приложилъ. 1839 года августа 3 дня, Орловской губерніи въ Елецкомъ уѣздномъ судѣ сіе условіе явлено и въ книгу подлинникомъ подъ № 89 записано. Пошлинъ съ акта 10 руб. взято. Засѣдатель дворянства Цѣлыковскій, секретарь Почтеновъ, губернский регистраторъ Королевъ. Къ сей запискѣ штабсъ-капитанъ и кавалеръ Александръ Васильевъ сынъ Арсеньевъ, за себя и по довѣренностямъ генераль-маіора Никиты Арсеньева и корнета Лермонтова, явленнымъ въ С.-Петербургской Гражданской Палатѣ, статскаго совѣтника Василя, подполковника Григорія, маіора Николая Васильевыхъ Арсеньевыхъ и племянника, Смоленскаго Уланскаго полка юнкера Николая Арсеньева, явленнымъ въ Елецкомъ уѣздномъ судѣ, руку приложилъ. Къ сей запискѣ коллежскій ассесоръ Владиміръ Ефимовъ Мироновъ руку приложилъ, а условіе къ себѣ получилъ того жъ числа.

Съ подлиннымъ вѣрно: секретарь Почтеновъ, повытчикъ Цѣлыковскій.

Н. А. Мурзановъ.

